

УДК 82 (091)
ББК 83.3 (2)

П. Н. Толстогузов
г. Биробиджан, Россия

Вольный биографический опыт начала XIX в.: И. М. Долгоруков о Н. И. Язвизком

В статье рассматривается интересный случай формирования биографического образа в русской литературе начала XIX в. на стыке двух традиций, одна из которых предполагает обобщение биографической ситуации, а другая – её индивидуализацию.

Ключевые слова: биография, обобщение, индивидуализация.

P. N. Tolstoguzov
Birobidzhan, Russia

Free Biographic Experience of the Beginning of the 19th Century: I. M. Dolgorukov about N. I. Jazvitsky

The article deals with an interesting case of a biographic image formation in the Russian literature of the beginning of the 19th century; the case is considered as a joint of two traditions, one of which assumes generalization of a biographic situation, and another one – its individualization.

Keywords: biography, generalization, individualization.

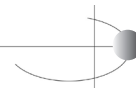
Князь Иван Михайлович Долгоруков (1764–1823) – наследник трагической известности своего деда, погибшего в эпоху Анны Иоанновны, пензенский вице-губернатор (1791–1796), владимирский губернатор (1802–1812), известный поэт-сатирик и драматург, а также, по отзывам современников, добрый человек – был активным мемуаристом. Незадолго до смерти он собрал свои мемуарные записи в форму словаря, назвав его «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни» (1818 г., впервые издан в 1874 г.). В этом словаре есть запись, интересная нам сегодня как вольный биографический опыт той эпохи: опыт, который содержит специфические жизнеописательные шаблоны и демонстрирует не менее специфическое для нашей позитивистской строгости отношение к биографическому материалу. Это запись о Николае Ивановиче Язвизком¹ (приводится с сохранением орфографии и пунктуации источника).

«Молодой человекъ, вышедшій изъ духовнаго званія въ гражданское состояніе, уроженецъ города Коврова въ Владимирской Губерніи, но я его тамъ уже не засталъ и не имѣлъ случая нигдѣ с нимъ встрѣтиться. Счастье возвысило на нѣсколько времени жребій его, ибо онъ попалъ в учителя Россійскаго языка къ царствующей Императрицѣ, Елисаветѣ Алексѣевнѣ, но сей-то самый случай низринулъ его в бездну жесточай-

¹ Почему выбрана запись о Язвизком? Прежде всего потому, что его своеобразная полуизвестность и малоизвестность в профессиональной литературоведческой среде и практически полная неизвестность в читательской среде позволяют в этом случае резче поставить вопрос о соотношении историко-биографических фактов и красноречивых версий мемуариста.

шихъ золь. Онъ былъ энтузіастъ, воображеніе его увлекло за предѣлы разсудка. Онъ лишился ума, и принуждены были запереть его в домъ сумасшедшихъ, гдѣ онъ умножилъ число несчастныхъ жертвъ романическаго воображенія. Онъ заслужилъ особенную мою привязанность и мѣсто въ этомъ Словарѣ неумѣреннымъ своимъ восторгомъ къ моимъ сочиненіямъ: все въ нихъ, все, безъ исключенія, ему нравилось. Онъ издалъ легинькой трактатъ о Словесности, въ которомъ выписывалъ мои стихи, не выборомъ и отрывками, а можно сказать пудами. Онъ ознакомилъ съ лирою моею высокоую свою ученицу и такимъ пристрастнымъ расположеніемъ къ моему стихотворству, котораго я, конечно, не заслужилъ, поставилъ меня въ обязанности сохранить, по крайней мѣрѣ, имя его въ памяти моей, когда судьба не дала мнѣ другихъ способовъ ни благодарности моей изъявить, ни быть ему въ чемъ либо полезнымъ, а жалѣть о немъ буду всегда съ искреннимъ участіемъ» [2, с. 364].

Обратим внимание на то, что автор биографической статьи не был лично знаком с Язвизком и использует при составлении статьи как факты, так и слухи и, главное, устойчивые шаблоны жизнеописания. Случаев заочного жизнеописания великое множество (в литературе, пожалуй, абсолютное большинство), случаев биографирования по личным впечатлениям или по смешанным источникам личных впечатлений и документальных данных – меньше, но они тоже весьма характерны. В нашем случае возникает нечто иное. У И. М. Долгорукова личная причастность биографа к жизни героя этого маленького биографического наброска несомненна (герой «пристрастен» к творчеству биографа и заслужил тем самым

«привязанность» последнего), и в то же время она сочетается с почти полным неведением относительно обстоятельств его жизни, за исключением самых общих и драматических. Впрочем, и эти последние изложены не вполне внятно. Остаётся загадкой: вызвана ли эта невнятность дефектностью и крайней недостаточностью источников, или она является следствием каких-то понятных только для людей 1810-х гг. умолчаний.

Дело в том, что за четыре года до составления «Капища», летом 1814 г., Язвицкий был арестован и заключён сначала в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, а затем помещён в Обуховскую больницу в качестве умалишённого. Причиной для ареста стала записка, поданная им на имя владимирского гражданского губернатора А. Н. Супонева и содержащая очень резкие выпады в адрес императора Александра Первого, которые законодательством той эпохи квалифицировались как оскорбление Величества. Так, податель записки обвиняет царя-триумфатора (дело происходило в июне 1814 г., вскоре после окончательного торжества союзного оружия над Наполеоном и накануне возвращения императора и победоносного российского войска домой) в «зверстве и ужаснейшем тиранстве», а также указывает на то, что Александра «должно лишить всех почестей и триумфов»¹, а собранные по подписке на торжественные мероприятия средства направить на поддержку людей, пострадавших от войны [7, л. 3–3 об.]. Всё это были выражения дерзкие, оскорбительные и неистовые, выражаясь юридическим языком времени, а также клонящиеся к республиканизму².

В биографическом очерке Долгорукова тот факт, что Язвицкий оказался в сумасшедшем доме, объясняется несколько странно. С одной стороны, из его изложения можно понять дело так, будто учитель императрицы сошёл с ума, оказавшись жертвой каких-то карьерных передряг («счастье возвысило... случай низринул»). С другой стороны, мемуарист делает акцент на особенностях личности своего героя: энтузиаст, «жертва романического воображения». Возникает

смысловая связка: Язвицкий, будучи человеком чувствительного и мечтательного типа, отнёсся к своему неожиданному возвышению слишком эйфорически, а к столь же неожиданному падению слишком болезненно, отчего и сошёл с ума³. Но не стоит ли за словами о выходе «за пределы рассудка» намёк на совершенные за этими «пределами» некие фатальные для судьбы героя поступки? Вопрос: знал ли Долгоруков о политическом и уголовном содержании дела Язвицкого? Из текста биографического очерка это вроде бы никак не явствует, но сама подчёркнуто литературная форма объяснения заставляет искать подоплёку⁴.

Биограф мог испытывать сочувствие к Язвицкому по сходству личных обстоятельств: отставка с поста владимирского губернатора в 1812 г. долго переживалась им как несправедливость (т. е. опять-таки «случай низринул»). Бросается в глаза подчёркнутый характер факта отсутствия встреч и личного знакомства в самом начале записки: «я его там (во Владимире в 1802 г. – П. Т.) уже не застал и не имел случая нигде с ним встретиться». То есть, мол, я его лично не знаю и никакого частного или иного интереса в этом случае иметь не могу. Если же предположить, что упоминание имени Язвицкого в 1817 или 1818 гг. ещё могло рассматриваться как нетактичное вмешательство в дело государственной важности (об оскорблении государя) и что моралист, «макаронист», сатирик и театрал Долгорукий вряд ли бы пошёл на такое упоминание без принятия *литературных* мер, то его биографическую запись можно рассматривать как развёрнутое в понятный для современников сюжет «жертвы романического воображения» и явственное для них же *умолчание*. Москвич и умеренный фрондёр Долгорукий вполне мог себе такое позволить.

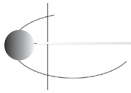
Язвицкий был действительно болен, и первые признаки его болезни приметно обнаружили себя задолго до владимирского эпизода с крамольной запиской, ещё во время его дворцовой службы. Именно болезнь, а не что иное, судя по всему, стала причиной его ухода из педагогической деятельности при дворе и в Педагогическом институте

¹ Речь идёт о постановлении общего собрания Синода, Государственного Совета и Сената, вынесенном в апреле 1814 года, о сборе пожертвований на выбитие медали и сооружение памятника императору. Александр Первый запретил воздвигать памятник: он отказался от него так же, как от наименования «Благословенный» и торжественного въезда в столицу (правда, по совету А. С. Шишкова наименование он всё же принял). См.: [8, с. 310], [13, с. 301 и далее]. Полный текст постановления Синода, Государственного Совета и Сената и Именного указа, последовавшего в ответ на это постановление, см.: [6, с. 845–848 (№ 25.629)].

² О республиканском контексте литературного и эпистолярного наследия Язвицкого см.: [12, с. 23].

³ Именно так это поняли позднейшие биографы Язвицкого. Например, в Русском биографическом словаре в статье, посвящённой Язвицкому (автор статьи неизвестен), сказано: «Въ своемъ «Капищѣ» кн. Долгорукий говорить, что Я., огорченный устранениемъ отъ должности наставника императрицы, сошелъ съ ума и помѣщенъ былъ въ домъ умалишенныхъ» [9, с. 32]. Между тем прямо об этом у Долгорукова не сказано...

⁴ Долгоруков далеко не всегда так литературен в своих очерках из «Капища», как в этом случае. У него в иных случаях может появиться такая, например, характеристология: «Прасковья Воиновна. Что называется удаля барыня. Муж ее был статский советник; они жили, как кошка с собакой» [2, с. 95].

(см. об этом: [4], [12]). Но это душевное расстройство, выразившее себя в различных проявлениях болезненной мнительности (см.: [12, с. 21]), само по себе не могло стать причиной заключения в «жёлтый дом» на Фонтанной набережной.

Если предположение о знакомстве биографа с подлинной причиной заключения Язвицкого в сумасшедший дом является верным (а слухи о делах этого рода расходились в тогдашнем образованном слое России с впечатляющей быстротой), то образуется ещё один контекст, связывающий судьбу литератора-разночинца и творчество Долгорукова. В 1817 г. И. М. Долгоруков публикует пространную оду «Невинность», содержащую выпады против И. И. Дмитриева (известного поэта-карамзиниста, министра юстиции в первой половине 1810-х гг., бывшего сослуживца Долгорукова по Семеновскому полку, адресата послания Долгорукова 1790-х гг. «Сослуживцу», принявшего служебное участие в отрешении Долгорукова от должности в 1812 г.)¹. В этой оде были строки, которые могли быть восприняты современниками не только как выпад в адрес недоброжелателей, но и как инвектива в адрес императора: с осуждением упоминаются некие «герои», которые «похвалъ богату дань пріемлютъ», а также «Чужимъ землямъ уставы пишутъ, / А сами славой только дышутъ, / Алкая міръ весь разорить» [5, с. 9]. Эти слова вполне могли быть отнесены на счёт внешне-неполитических триумфов Александра Первого во время Венского конгресса и, в частности, на счёт его инициативы по созданию Священного союза («Трактат Братского Христианского Союза», заключённый в 1815 г.). Автор оды не мог не учитывать возможность подобных интерпретаций, и он мог даже рассчитывать на них. Известно, что после чтения «Невинности» в Обществе любителей российской словесности при Московском университете в 1816 г. юрист и драматург Н. Н. Сандунов демонстративно вышел из Общества (см.: [10, с. 282]). Поэтому слух о какой-то (неизвестной, впрочем, никому в деталях из-за секретности дела) антиправительственной выходке Язвицкого мог вызвать если не полное сочувствие со стороны биографа, то некое сочувственное понимание...

Кроме того, стихотворение содержало моральные сентенции, которые сведущему читателю следовало применить к карьерным злоключениям автора: «тьмы кромѣшной не боится / Ошибка, тяжкой ставъ виной» [5, с. 10]. Здесь же определяется цена «чувствительности» в мире: «Животъ

лишь чувственный наскучить, / А жизнь чувствительна замучить, / И сердце надорветъ бѣда» [там же, с. 11]. Ясно, что к случаю с Язвицким в параллель могла быть применена та же система моральных оценок. Но интереснее иное: в долгоруковской биографии на наших глазах сталкиваются старая концепция игры «случая/жребия» и новая концепция «энтузиастической» личности, которая в силу своих внутренних свойств способна выйти за пределы не только правил общежития, но подчас и рассудка. Эти концепции выразительно соседствуют в стоящих рядом предложениях: «Счастье возвысило на несколько времени жребий его... но сей-то самой случай низринул его в бездну жесточайших зол. Он был энтузиаст, воображение его увлекло за пределы рассудка».

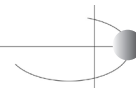
Тема «невинности», которая вынуждена несправедливо терпеть гонения, является одной из ключевых для литературы XVIII в. Очень часто эта тема адресуется не просто сильным мира сего, но власти. Так, например, это выражено в «Дмитрии Самозванце» А. П. Сумарокова: «Достоин, государь, злодеев истребляти, / Однако должно ли невинных погубляти?» [11, с. 455]. В преромантической литературе начала XIX в. тема пережила существенную модификацию. У Батюшкова в стихотворении «К Тассу» (1808) – ранней разработке мотива страдающего поэта – «невинность» вроде бы предстаёт в своём традиционном облике: как жертва «бесчестной зависти и адской клеветы» («Доколе жертвою, невинность, будешь ты / Бесчестной зависти и адской клеветы?» [1, с. 359]). Но дальше тема развивается как совмещение игры судьбы и индивидуальных свойств незаурядной личности:

Но радость наша – ложь, но счастье – крылато;
Завеса раздрана! Ты узник стал, Торквато!
В темницу мрачную ты брошен, как злодей,
Лишён и вольности, и Фебовых лучей.
Печаль глубокая поэтов дух сразила,
Исчез талант его и творческая сила,
И разум весь погиб!

[Там же]

Тема распятия («Завеса раздрана!») возникает здесь не случайно: Христос интерпретировался преромантиками и романтиками как пример высочайшего энтузиазма. Критерий «глубокой» личности постепенно выходит на первый план и составляет дополнение к сюжету обстоятельств или даже затмевает его. Биография XIX в. находится на развилке между двумя основными тенденциями своего развития: обобщением и индивидуализацией. Лаконичный биографический портрет Язвицкого у Долгорукова является результатом воспроизведения двух расхожих мифопоэтических сюжетов (игра судьбы и злоключения страдающе-

¹ Интересно, что в «Капище» Долгоруков без обиняков говорит об этом: «В моих сочинениях... я многие резкие места относил к нему (И. И. Дмитриеву – П. Т.) и прямо бил в него, как в мишень» [2, с. 106].

го энтузиаста) и, возможно, намёком на собственные обстоятельства биографа и на несправедливость властей, низвергающих энтузиастическую личность «в бездну жесточайших зол».

В 1818 г., когда создавалось «Капище», Николай Иванович Язвицкий был ещё жив (он скончается в больнице в 1820 г.), но знал ли об этом автор очерка о нём? Судя по некоторым оттенкам

смысла, заставляющим вспомнить об эпитафии («сохранить имя его в памяти моей»), он об этом не знал и мог думать, что Язвицкий уже умер в больнице. Так совершилось литературное определение и психологическое отдаление биографического образа при его живом, но уже погибшем для живых носителе.

Список литературы

1. Батюшков К. Н. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 511 с.
2. Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М.: Наука, 1997. 392 с.
3. Долгорукой И. М. Капище моего сердца, или Словарь всѣхъ техъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ в теченіи моей жизни. М.: Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университете, 1874. 370 с.
4. Монякова О. А. Писатель Н. И. Язвицкий. Новые факты биографии // Рождественский сборник: матер. конф. «Провинциальное общество и культура (к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина)». Ковров, 1999. Вып. VI. С. 23–27.
5. Невинность, сочинение К. Ив. Мих. Долгорукаго. СПб.: Тип. Ив. Глазунова, 1817. 12 с.
6. Полное собраніе законовъ Россійской имперіи: в 45 т. СПб.: Типографія II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1830. Т. 32. 1105 с.
7. РГИА. Ф. 1163. Оп. 16. Д. 1.
8. Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 1: Аарон – император Александр II / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцева. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896. 892 с.
9. Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 25: Яблоновский-Фомин / Изд. Императорским Русским Историческим Обществом. СПб.: Тип. главного Упр. Уделов, 1913. 493 с.
10. Словарь писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л.: Наука, 1988. 358 с.
11. Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. 607 с.
12. Толстогузов П. Н. Письмо Н. И. Язвицкого Г. Р. Державину: драматический историко-литературный эпизод первой половины 1810-х годов // Северо-Восточный науч. жур. 2011. № 1 (7). С. 20–24.
13. Шишков А. С. Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изданіе Н. Киселева и Ю. Самарина: в 2 т. Берлин: Типографія І. О. Скрейшовскаго, въ Прагѣ. 1870. Т. 1. 479 с.

Рукопись поступила в редакцию 05. 05. 2011.